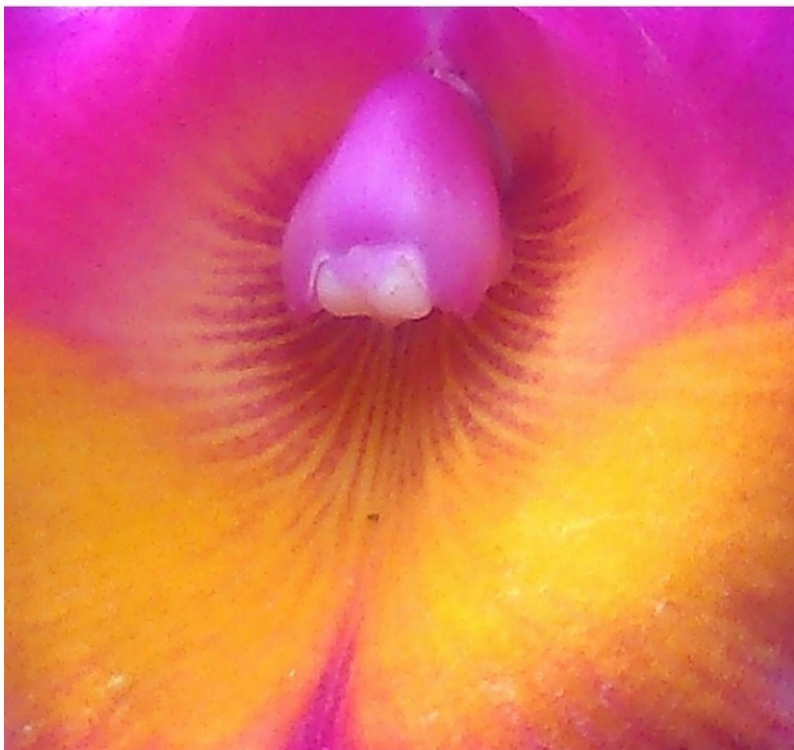

ЭТЬЕН ЭКЗОЛЬТ

Анастомоз

Этьен Экзольт

Анастомоз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41831542

ISBN 9785449646255

Аннотация

В это время, когда все приветствует падаль, мягкотелое судеб гнилых оскопление, рвется к власти бастард, признавая своим племенем лишь чудовищ кровосмешения сладкого, отрицая возможность сомнения, признавая знаменья всеядными.

Анастомоз

Этьен Экзольт

© Этьен Экзольт, 2019

ISBN 978-5-4496-4625-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я стою у окна, вечер пью не спеша,
Ветер улицу треплет, где жмутся дома,
Меж собой не имея пространства для трав
И для злобно-крикливых кошачьих забав.
Каждый дом здесь из камня цвет имеет другой,
И бежит дева юная по мостовой,
Лужи в радугу пенит ногою босой,
Крик к луне извергая безлико-пустой.
Королевский насильник поспешает за девой,
И клешнями гремя телом вертится спелым,
Пластик матовой вьется на лапах волной,
Многоперый плюмаж восстает над главой.
И трехпалые руки уж направились к жертве,
Не успевшей согреть и двузначное лето,
И искусственный фаллос в нетерпении звенит,
Королевским наполненный семенем злым.
Нержавеющие растеклись миражи,

По пластинам спинным, чей древнеющий вид
Королем был воссоздан из детских обид.
Знаю я – не спастись от машины святой,
Что ниспослана к ней многодетной судьбой.
Коль была она неосторожно глупа,
Чтобы выйти на улицу в утренний час,
Значит будет ребенка носить короля,
Без надежды избавить себя от дитя.
Я смеюсь, вспоминая, что ошибались
Те машины в дождливые дни иногда,
За девичий смазливый мой лик принимая,
По мостам и каналам прогоняли меня.
Только был незаконно скользящим и ловким
Мой от стен отбивающий плесень побег,
И машины стонали, за мной пробираясь
Через узкие улицы нищенских бед.
Я скрывался от них в припортовых каналах,
Там где все за монету себя продают,
Где все черные язвы и пурпурные струпья
Обнаружили вечный уютный приют.
Здесь меня потеряет королевский насильник
Среди юбок коротких, корсетов и стали
В шуме праздном продажной и радостной твари
Коей здесь собран каждый волнующий вид,
Не забыв и про тех, кто собою манит
Только тех, кто видений не знал никогда
И кого не волнует русалок слюна,
На нее кто не тратит все павлиньи грехи,
Чтобы черною кровью с губ проклятья текли.

Я глоток совершу из бутылки тугой,
Обнищавшей под шрамом обвитой рукой.
Изумрудный янтарь мой язык обволок,
Но страдания те уж привычны давно.
Стая мыслей скупых собралась подо лбом,
Знаменуя четвертую полночь без сна.
Далеко за окном недоверчивый мир,
Воспаленными увлеченный шрамами,
Продолжает увечить себя восторженно,
Сообразно мечты ритуалам.
Разрушает и губит, сжигает и бьет,
Ни мутантов при том не щадя, ни сирот,
И соперника мне неспособный представить.
Я его превзошел, от него отказавшись,
И затворником став в краниальном огне.
Слышу стук я и звон у двери охмелевшей
От забытых любовниц гневных криков и ссор,
И вонзает в нее свою ярость топор.
Под ударами быстрыми стон издает,
Древо тонкое призрачным смехом огня,
От удара ноги щепы звонко летят,
И вторгается в келью чернобронный солдат.
Ярость криком поет сей клевет бледнокожий,
Сапоги его с радостью злобной скрипят,
На бутылках, скользят что в паучьей прихожей,
В память о проведенных в страдания закатах,
Обо всех не ссудивших мне нежностей тварях,
О растерянных женщинах, жадных блудницах
И коростах на их неподвижных ресницах.

Эти грузные твари в гремучей броне-
Респираторов морды, меч в потрепанных ножнах,
Там проходят, где бился, кружась и слетая
С торопливой блудницы высокий каблук,
Где меня оплетали, в пустоту увлекая
Змеи татуированных радостью рук.
Дуло цепляется за дерево липкое
От крови и спермы и глухого вина.
Если вспомнить, как много оно не услышало
Под кляпом искусанных пробок усталых,
Как много признаний неискренних
Вниманья его избежало,
Как можно плести после этого
Изысканных жалоб венки,
И в небо со взором неистовым
Причитаний исторгать поток.
На меня направив орудья увечные,
Обожженные мрачным огнем,
Солдаты в одеждах черных,
Под масками молчат золотыми.
И вот лейтенант, искалеченный
Шрамом поперек пустыни
Неприятного морщинам лба,
Мне бумаги отдает с королевской печатью,
И я, вспоминая свои закону
Не всегда угодные дела,
Гадаю, которое именно им открыло меня.
Неужели узнать довелось, что двенадцать
Было лет той нелепой блондинке,

Что, меня проглотив с восхищением,
И зевнув, и немного устало,
Обнаженная в солнечной пыли,
За мороженым открывала
Ржаводряхлую дверь в холодильник.
Иль они тайники обнаружили,
Где я прятал корень минзолы,
И стихи, непристойно наивные,
И старые с гиенами открытки.
Иль узнали, что дважды в месяц
Приходит ко мне посыльный.
С собою имеет ларец жестяной,
Где в холоде нежатся липком
Живительные эмбрионы,
Которых я готовлю с сыром.
Я забыл, что из этого может
Быть сочтено теперь преступленьем,
За что я должен буду ответить
Перед их многословным законом,
Как будто сухой его ветер
Может мысли воздвигнуть препоны.
Конверт разрываю я черным ногтем,
Лист красной бумаги тяну с королевской печатью
Неужели придется мне келью мою покинуть,
Отправится в неведомые дали,
Лежащие за порогом квартиры,
Забраться в сейф лифта серебристый,
Хранящий меня как древнюю драгоценность.
К насекомым кошмарам он меня спустит,

И крысиным доверчивым лицам,
Коими улицы полнятся нежные.
Эти в лохмотьях хвостатые беженцы
Здесь проповедуют новые войны,
Песни поют о красавицах хвостатых,
И, видя, как меня толкают в автомобиль
Шепчут, что мне не придти уж обратно.
А я, вцепившись в решетку стальную,
По-морскому взреву и завою,
И пошлю им воздушные поцелуи,
Закрою в отчаянии глаза уставшие,
Меж облаков искавшие южных
Сигнал о начале преображения,
Находя лишь шумы вырождения.
И, на черной скамье качаясь,
Я промчусь по улицам тихим.
Мотоциклы, меня сопровождая,
Расплескают свой треск многоликий,
В стекла древних домов
Вбивая его саранчою,
С крыш покатых и черепичных
Прогоняя сфинксов двуполых,
Чтобы я, одиннадцать женщин знавший
Себя королем ощутил на мгновение,
От призрачной затрясся жажды,
Испугавшись того откровения.
Город мне хорошо известен,
Мозаикой выложена карта
Районов дотла сгоревших

Во время бунтов упрямых,
Надеявшихся, что изменят
Порядок они эволюции
И права для себя впечатают
В сборник законов нелепых.
На несколько быстротечных минут
Я стану великой персоной.
Меня пронесут через город,
Уставший, унылый и сонный,
И люди, вставая у окон,
Вспыхивающих сияньем вечерним,
Гадать будут, кто был отправлен
На вечное заточенье.
С удивленьем тоскливым отметив,
Путь мой на восток бредущим,
О себе оставлю на стене железной
Пару строк, царапающих душу.
Мне жаль прекрасного моего тела,
С плечами, на которых четыре поместится кошки,
Мне жаль, что моему пятнистому члену
Не пробовать больше невинниц истошных.
Прильнув к изгрызенной ржавой решетке,
Я таю в мерцании огней проблесковых,
И пуля, что снайпером обучена метким,
С ликующим воплем бьет в шлем матовый
Мотоциклиста, замыкавшего кавалькаду —
То ему от революционеров награда
За покорность тому, кто ими признан тираном,
Но свергнуть кого не решаются,

Ибо нет среди них ему равного.
Я смеюсь, я ловким стрелкам завидую,
Каждый вечер выгуливающим винтовку,
Породистую, зоркую, сильную.
Неужели и я был когда-то подобен тем злым храбрецам
И каждый вечер проклятья
Своим посылал праотцам,
Ибо таким был завет их,
Знавшим, что силой безмерной
Будет для будущих поколений
К прошлому мрачное презрение,
В отречении от него познаем мы сладость дерзкую,
И ту гневливую ярость, которую я исповедую
Для того, чтобы многоножкой смертельной,
От яда чьего нет спасения,
Мой дух проползал через строки,
Не поддаваясь на уловки робости,
И в мороке тьмы беспредельной
Только сам себе был светочем,
Меж слов проходил многоточием
И в танце богомола похотливого
Себя чистотой опорочив,
Мгновение находил вдохновения.
Давно уже были преданы
Мной то безумие праздное
И безобразное отторжение
Всего, что вызывает смятение.
Забыты мной гневные шрамы,
В окопах оставив медали,

Я короля почитаю с презрением,
С тем ревностно злым восхищением,
Каким должен мужчина безвластный
Мысли снабжать о самце-сопернике,
Чьей женщины привлекательность опасная
Вытягивает поллюций семя
Даже в скупой понедельник.
Об этом с тоской я думал,
Когда сквозь подземный тоннель
Машина скользнула в способную
Выдержать пророка отчаяние дверь.
В ярком страхе неоновом
Меня выталкивают прочь,
Ведут по затхлым коридорам зеленым,
Пахнущим крысиной печалью.
Вторгают меня в залу,
Пустынно-златую, черепами стены прикрывшую.
Упираются они в пол клыками алыми,
Рогами – в лепнину потекшую.
Здесь, на черном троне крылатом,
Посреди чистоты благоуханной,
Наша общая светлая мать
Сидит, отвращеньем объятая,
Ко всему в этом мире живому.
Платье красное кружевное
Широкими расходится юбками,
Рукавами вспухает пышными,
Но груди прикрыть находит излишним,
Всех нас вскормившие когда-то.

Их лучезарная плоть белолунная,
Потеряла все вены и пятна,
Мягкая, корсетом возвышающим вздутая,
Как фотографии неумелых любовников
Притягивает к себе недоступное.
Рядом с ней однорукий полковник,
Конечность потерявший когда король
Застал его в свинарнике каменном
Со своей плодovитой женой.
В фекалиях свиных валяясь,
Одетая в подвенечное платье,
Любому себя подставляла,
Особенно предпочитая
Тех, кого муж ее презирал.
Был полковник среди них девятым,
Шесть раз королевские приняв проклятья.
Трижды обвиненный в соитии с бунтовщиками,
Дочь свою продавший революционерам,
Не получив обвинения в измене,
Поскольку была она некрасива,
Он стоял позади королевы,
По запястье погрузив в нее руку,
Надеясь на призрачное истечение,
И ничуть не желая восхождения на трон.
Был застигнут находчивым королем,
От каллиграфического доноса
Получившим кружевное намерение,
И меч, сокрушавший драконов,
Прерванным обозначил совокупление.

Средь королевских стратегов лучший,
Полковник избежал заточенья,
И был отправлен на острова южные,
Для мятежей коралловых подавления.
Вернувшись только тогда в столицу,
Когда сам король погрузился в кокон,
И постель его необъятная,
Беззаконный объяла холод.
Стал теперь он королевы спутником неотвязным,
Коего считала она прекрасным,
Совету его внимая каждому,
И силу полков, ему верных,
На праздничных площадях принимая
Парадом глумливых забвений.
О короле все же не забывала,
Все вокруг ей напоминало,
Что причина она угасанья и зла.
Ведь с тех пор, как супруга ему член отсекла,
В королевстве все хуже и хуже дела,
И все меньше плодов нам приносит земля,
В шахтах больше для нас нет мечтаний угля,
И уран не желает облучать нас зазря.
— Здравствуй мать моя, ярость,
Здравствуй мать моя, гнев.
Все слова твои словно
Песни злобной припев,
Что поют дезертиры, подпевают лгуны,
И те твари, что прячут своих чад от луны.
— Здравствуй сын мой и враг,

Мой любовник и змей,
Величайший мой дар для пустынных земель,
Разрушитель оазисов, враг миражей,
Взор чей радость пленяет ждущих спину ножей.
Я тебя призвала, как бывало и раньше,
С той же целью и с той же наградой.
Вижу я, ты все также и пьян и неряшлив,
И, надеюсь, к насилью не менее склонен,
Ибо сон мой тревожен был и недоволен,
Тем, что вскоре придет с разрушительной болью.
Есть опасность для всех, кто в моем королевстве
Жить желает в безропотной радости тесной,
И исходит она от бастарда, что был
Эти годы от наших ищеек сокрыт,
И теперь на радарх лишь проявился,
Так как прочь изошла его злая невинность.
Я решила отправить за тварью тебя,
Должен быть уничтожен тронлюбивый,
Чтоб ничто угрожать в мире сем не могло,
Той, кто тело твое без нужды породила,
И не мог он задумать ночного сверженья,
Равно сотне других потерпев поражение.
Королевская кровь в его венах течет,
И оружием особым будет он устранен,
Я отправлю тебя к мудрецу, что когда-то
Королем был любовником, другом, солдатом
Преуспев в сладострастных и мягких умениях,
Награжден колдовским был тогда револьвером
Из руки короля механизм получив.

В барабане семь пуль сей хранит серафим,
Тех, что могут отродье убить королевское,
Если будет стране угрожать оно бедствием.
Сей старик тебя ждет в своем логове смрадном,
Много лет он его уже не покидает,
Говорят, что питается плотью лишь женской,
Собирает коллекцию гильотин,
Что находит чуму безутешно прелестной,
И мечтает вернуть ее в горестный мир.
Ходят слухи, что сам он – королевский бастард,
Но король много лет посмеялся назад
Над словами о том, отвергая их блеск,
Сохраняя соратнику жизнь и успех.
А оплатой тебе будет радостный год,
На который ты наш потеряешь надзор,
Избежишь ты преследований и арестов,
И внимания неугомонных гвардейцев.
И любой твой проступок в указанный срок
Будет тут же забыт и потерян,
Всех любовниц твоих кровеносный поток
И твое утверждение зверя,
Что тела их терзает, как прежде мое,
Для закона останется мягкой игрой.
– Ты исторгла меня в этот мир для потерь,
Мне по прежнему снятся твои плоть и постель.
Твоя грудь как вулкан, облака-поцелуи,
Привлекает к горячей вершине тугой,
А кровать твоя – храм, должен где побывать
Каждый в жизни своей верноподданный твой.

За убийство хочу ложь меж бедер твоих,
Снова сладость твою с изумленьем вкусить,
Ощутить твои губы на святом напряженьи,
И в тебя совершить неземное вторженье,
Меж твоих ягодич извержение свершить,
Знаменуя отказ от чудес размноженья.
Я устал для всех прочих невинных растрат,
Твои прелести только мой пламень манят,
Мне нужны нынче тонкость и невинности мрак,
Тонкой талии блеск, рифмы ловкая грань,
Я свершу с наслажденьем, что ты ждешь от меня,
Если вновь ты во мне возродишь короля.
– Миновали года развлечений и страсти,
Расцвели мандрагоры в полуночных садах,
Мне в твоих больше нет наслажденья объятьях,
Я не вижу тебя в изворотливых снах.
Лучше я пересплю с трупом сладкочервивым,
Прокаженным отдамся, мудрецу, палачу,
Чем позволю себе перестать быть брезгливой,
И в себя полукровку я вновь допущу.
Злость меня обнимает, кровью жаркой полна.
– Если так, то прошу твоего молока,
Чтобы сил его пряных мне позволила ярость
Превзойти в неминуемой схватке врага.
И сжимает она королевскую грудь,
В губы ткнула мне черный упругий сосок,
И закрыл я свои в восхищеньи глаза,
И заполнил мой рот животворный поток.
Вязкой жидкости горечь раны полнит мои,

Грудь, конечности и возрождает огни,
Утонувшие было средь дней безутешных,
В распорядка уныньи пустом и прилежном.
Снова стал я к безумью готов соблазнения,
Одолев суетливый тайфун обновления,
Разорвавший на клочья мою злую судьбу.
Ухмыляясь, меня изучает полковник,
И в глазах его похоть с тоской верховодят.
Распаляя себя, он склонился вперед,
Грудь вторую сжимает, пытается и мнет,
Скалит он недовольные волчьи клыки,
И сосок между пальцев зажимает в тиски.
Неужель было мало несчастий и бед,
Неужели насильников стал удачным проект,
Королевское семя жизнь зачало вовне
Восхищенного лона и снова войне
К нам придти предстоит, чтобы маршем и гимном
Наши были озвучены окопы-могилы.
Два гвардейца меня провожают в гараж,
Здесь позволено взять мне любой экипаж.
Полицейский «фрегат» взор мой очаровал,
Что в углу за броней чернотелой застрял.
Его ржавые крылья, его мятый капот
Время помнят моих громогласных забот.
Много раз видел в зеркале я машину сию,
От погони спасаясь во тьме и хмелю.
Я занять пожелаю с другой стороны
Место полное злобы и жадной вины.
И сажусь я за руль костяной и резной,

Трепет древней машины возрождаю живой,
И на пыльном стекле пули быстрой следы
Возбуждают во мне боль мечты бунтовской.
Проведу я фрегат по спирали бетонной,
Наслаждаясь рычащей его прямотой,
Он прорвется на улицу из двери укромной,
Тишину ослепив двуязыкой тоской.
Промозглым утром тем туман скребет о камень,
Из желчных фонарей высасывает пламя,
Любовный бьется стук о сомкнутые ставни,
Сто тысяч извращений недвижность штор скрывает,
Взошло светило над стеною городской,
И восход расплывается гнойной слезой.
Я себя тороплю, с каждым днем в этом мире
Все становится меньше привлекательных дев,
Года будет с излишком, чтобы всех их измерить,
Выбрать самых всех спелых для мрачных утех.
Я боюсь, заржавели стальные оковы,
Плети спутались, переплели все хвосты,
По укусам разноцветные кляпы тоскуют,
Латекс ждет возвращения лубрикантной весны,
И как звери, чью силу хозяин смиряет,
Прячут ярость свою в неприметном шкафу,
Вечнотвердые фаллосы – злобные твари,
Рвутся нежной добычи разорвать красоту.
Года хватит с лихвой насладиться насильем,
И дары принести всем богам опостылым,
И никто не посмеет отобрать у меня деву,
Коли словом своим защитит королева.

Я смогу очищение во тьме обрести,
И себя от унылых страданий спасти.
Мимо свалки пронесит меня мой фрегат,
От которой исходит вдохновляющий смрад,
И грифоны облезлые, разрывая мешки,
Крыс разгоняют восхищенными воплями,
В иступленной досаде крича друг на друга,
Клювы в трещинах древних стучат суетливо,
Обвисают на них презервативы
Волочатся в объедках ободранные крылья,
Перья сломаны, глаз опорочен бельмом,
Хвост облезлый по грязи бьет в неистовстве злобном,
Спор за тухлое мясо стал столетней войной.
И разносится клекот над трассой пустой,
Нет ни ярости в нем, ни тоски о былом,
Много лет уж бесплодье терзает их гнезда,
Вырождение их увлекло мелкокостно,
И все чаще птенцы небесам неприятны
И коротким крылом грязь взбивают в канаве.
Под сиденьем, что справа блестит от меня,
Чемодан есть из тех, где обычно хранят
Воспаленные тайны империй изгнивших
Или письма, что жены неверные пишут.
Поворот миновав, я коснулся замка,
Но моя для него не подходит рука,
Возмущенно кричит он о горестном взломе,
Голос кажется мне неприятно знакомым.
Но уже нахожусь я у нужного дома,
С изумленьем взирая на высокую стену

Из пригодного для бомбоубежищ бетона.
И венчает ее вся в колючках спираль,
Вынуждая защитное поле мерцать.
Пред фрегатом открылись кружевные врата,
Волоски на руках поднимались когда
Электрический вал с дрожью я превозмог
И немало погибло бы юных солдат,
Если штурм пожелал бы занять сей чертог.
Механических стражей полон выпцветший сад,
Их орудья на солнце усталом блестят.
Провожает меня их внимательный взгляд,
Глаз кошачьих придирчивый морок плывет
И зовет и манит и сжигает живьем.
Прозревают они всех опасностей блеф,
В постижении мудрости пуль преуспев.
Мне известен район сей, здесь часто бывал
Я когда знак на жертвы свои помещал.
На плече приносил деву я обнаженной
И сознания благоразумно лишенной,
Чтоб на грудь ее черного поместить паука
И пока она бредила в кожаном кресле,
Обретая в себе арахнида бесчестье,
Я мечтал о грядущих златых временах,
О кометах падучих и сна панацее,
И о смерти прекрасной моей королевы.
Открывает мне дверь юный воин нагой,
Член упругий цепочкой обвит золотой,
Кольца ловко проткнули соски и пупок,
А в глазах удовольствия мрачный исток

Все хранит свои нежные латекс и сталь,
Черной кожи тоску, соблазнения янтарь,
Где с улыбкой пустой недовольные страсти
В пресыщения жестокой печали увязли.
Светлой прядью небрежной смущенно прикрыт
Глаз насмешливо-чистых неземной малахит,
Ногти черные вдвое длиннее моих,
На запястьях оковы из кожи блестящей,
С томной стали кольцом, наслажденья манящим.
И щипцами изъедена бровь золотая,
Увлеченный порок ей изгиб предлагает,
И в движении губ поцелуев межлунных
Пыль сияет в восторге штормов многоструйных.
Я за ним перешел в холла сумрак туманный,
Где средь пальм притаились орхидеи-мулатки
И меж люстры подвесок обвисло-хрустальных
Бьется свет в исступленно-глумливом припадке,
Статуй мраморных стража под аркой стоит,
И колонн маслянисто мерцает гранит.
В том тропическом мареве юная плоть
Словно злой лихорадки виденье плывет,
И качает бедром, бледной нежности морок,
За собою манит под оборванный полог.
Возлежит на кровати в три шкуры медвежьих,
Под шелками, вобравшими ровность прилежно,
Узкоплечий старик в парике чернокудром,
Замер он в созерцании потерянно мудром.
У изножья его на огромном экране
Отрок длинноволосый, в тенях и румянах

Растирает по члену чужому помаду.
О тестикулы бьется локон златотугой,
Губы черные пенной исходят слюной,
Тонких стая цепей член сжимает собой.
– Я тебя узнаю, королевский бастард,
Сын владычицы – шлюхи и роты солдат.
Ты к предательству склонен как солнце к затмению,
Сохраняешь его ты забывчивой нефтью,
Удивить нас желаешь бесподобным явлением
И людей о себе с отвращеньем заставить
Говорить словно ты есть предвестник страданий.
Униформу на твоём обесчещенном теле
Алхимических войск лицезреть мне приятно.
Сам служил в них когда-то, управляя големом
И сжигая врагов философским напалмом.
Сей мундир я нашел в доме рыжеволосой,
В перерыве меж наслажденьями громкими,
Ожидая, пока к ней, опутано-сонной,
Сознание вернется, неуверенно-робкое.
Плыл за окнами белым соглядатаем холод,
Между щелями окон хвалебные оды
Пел потерянный вьюгой ветер смурной,
Восхищаясь тому, как кричала и выла,
Юной прелести дева, терзаема мной.
Одинокой оставив, на восток был отправлен
Вслед за братом отец усмирять наглецов,
Пожелавших отнять у королевства
Несколько изувеченных тьмой островов.
Я открыл шкаф разохшийся, глухо скрипевший,

Где меж платьев, сорочек и кружев распутных,
Сей мундир пребывал, отдыхая от битв,
Весь в ожогах и шрамах, упрямо-беспутных.
Без погонов и знаков различия,
На петлице гомункулус сворачивается,
Происхождения святыя таинства
Глумливой усмешкой в нем отзываются,
Подвывающей от мира сложности.
Наград же к мундиру тому не имелось,
Без намеков он на милую доблесть былую.
И когда я его без стеснения примерил,
Оказался он мне и приятен и в пору.
Подношу я к лицу эту грубую ткань,
Запах ртути ничем из нее не изгнать,
В сердце бьет он как яростный мизерикорд,
И о лунных степях мне с восторгом поет.
Перед зеркалом шатким, янтарно надтреснутым,
Я себя созерцал, наслаждаясь виденьем
О батальных мечтах и чудесных раненьях,
Отвлеченный лишь дева стоном сдавленным,
Под кляпом между разбитых губ вставленным.
Рад теперь я, что оставил себе сей мундир неряшливый.
— Я пою твою мудрую доблесть, воитель
И память о прежних твоих совершеньях,
С королем проведенных великих сраженьях
Как поет о последней мечте осквернитель.
Но твои все в былом дни всевластных восторгов.
Мне оружие отдай и я путь свой продолжу
К разрушенья и счастья искрометным истокам.

Мне отродья нужна королевского смерть,
Сладострастья зайдется тогда круговерть.
Тут солдат захрипел, в ноздре его задрожал трубка,
И кровавая капля к подбородку метнулась.
Входит юноша вновь, но чулки на ногах,
Туфли на серебристых плывут каблуках
И платформою бьются с тоской друг о друга,
В руках у юнца золотая шкатулка.
Преподносит ее мне с улыбкой лукавой,
Дар я сей принимаю, чемодан отпустив,
Он на пол запыленный обронился устало,
И старик, звук услышав тот, словно воскрес.
Направляет к нему свой когтистый он перст.
– Знаешь ли, что в себе сохранил сей сосуд,
Память древних времен и забывчивых войн.
То советник героев, знаний вечных хранитель,
Генералу пригодный и ревнивому мстителю.
Алхимическим ядом напитанный разум,
В подземельях дворцовых сотворенный секретно,
И особым затем королевским указом
Был сокрыт, ибо к власти стал он неприветлив.
Смех сбивает мой пыль с юных фавнов фарфора,
С пастушек и собак и хищных птиц хрустальных.
– Значит, эксперимент сей удался,
Разум мыслящим и живым оказался.
Искривляя губу, ухмыльнулся юнец,
Вскинув бровь, зубки острые мне показав,
Сколько тварей, нелепо подобных ему
Я на разных постелях в мире сем растерзал.

Тянет руки старик к чемодану тому,
Я к солдату с почтеньем его подношу,
И одним лишь дрожащим прикосновеньем
Он все тайны раскрыть произвел повеленье.
– Отпечатки мои наш король разместил
Во все списки, что требуют призрачных сил,
До сих пор все машины смиряют гордыню
Перед волей моей с нетерпеньем учтивым.
Сохрани ты его до опасных времен,
И совет он тебе мудрый свой произведет.
В мутной жидкости мозга хранит сей конструкт,
Содержатель фантазий и спутников друг,
То что может спасти в час случайности дикой,
И когда станет случай как яростный зверь.
Я закрыв чемодан, возвращаю к ногам
Его тяжесть, вниманье которой отдам
Много позже, когда я останусь один,
И смогу ему радость свою уделить.
Открывает шкатулку юнец – мракодел,
И оружие извлекает с улыбкой лжеца,
Рукоятью направлен ко мне револьвер
И сияют на ней два серебристых крыла.
Я тяжелую сталь принял с лаской сухой
И ее произвел барабанный разлом.
В алом бархате гнезда патроны нашли,
Ожидая мишени, как черви – весны.
Тонким золотом манит бессмертный поток,
В их потерянной страсти, в их расслабленной неге,
В упоении живучем раскаленном и томном,

В тонкой нежности гильзы, цветами обвитой,
В искажении металла мечтательно-ломком,
В острой пули томлении упоенно-безрадостном,
В сладострастном мечтании убийственно-легком,
Вижу я наслаждение многолетним забвением.
Шесть изысканных братьев,
Древних воинов тень,
Имена гравировкой расплылись на боках:
Изабель и Ланкон,
Марибель и Дормант,
Кларигон и Жадор,
Все к услугам моим.
Мои пальцы как страх,
Что в сон девы невинный
Проползает видением насилия тугим,
И проснувшись, с тоскою она вспоминает
Руки сильные тех полновластных мужчин.
Ногу правую юноша чуть отставляет,
Туфель бьются платформы,
Накладные ресницы плывут в переливе,
Ногти черные воздух ревниво царапают,
Словно спину любовника скользкого,
И по лаку шкатулки истерзанной
Со страстью скользят ревнивой.
Возвращую в ларец я святой револьвер,
Ускользает закон,
Словно память о страхе,
Как потерянный принц
Средь усталых пустынь.

Я продвигу потери,
Гнев нагой революций,
Крах безмозглых мечтаний,
Извержение ножей.
Шесть могу я убить жаднооких бастардов,
Их уменьшить число,
Радость в мир принести,
Королевскую кровь в нем слегка поумерить,
От насилия скучного многих спасти.
– Путь твой дальше ведет,
К городам погребенным
Под забытых страданий
Сладким пеплом златым,
И в далеком и гневно-пустом мнемограде
Ты найдешь свою цель
Среди мрачных руин.
Захрипев, головою старик потрясает,
Воздух пенится возле широких ноздрей
Руки в воздухе бьются, смертный вдох отгоняя
И бросается к тумбе веселый юнец,
Перед ней на колени он падает ниц.
Радость губ его блещет благодарным весельем,
Извлекает он ампулу с золотым содержимым,
И стальной из футляра выбирается шприц.
Простыню сдернув на пол, обнажает он тело,
Что остатки от силы былой сохранило,
Грудь собой покрывает шрамов хрупкая вязь,
И вонзает иглу в воспаленную вену,
Языка кончик высунув, ящер злобно-веселый,

И немедля старик обмякает, смеясь,
И тремя сокращениями член поднимается,
Словно зная над вражьей столицы дворцом.
И забравшись к нему, обхватив его бедра,
Но взирая с усмешкою лишь на меня,
Влажный рот свой юнец раскрывает хищно,
Плоть героя в себя с наслаждением вбирая,
Обещая немало тому, кто из этой обители
Его нежную радость пожелает похитить.
Только я уже вышел, от цветов задыхаясь,
На далеких растущих гнилых островах,
И питаюсь их силой, для сознания гибельной,
Возбуждающей ярость в обезьяньих сердцах.
Ароматы бредут в темноте благодатной,
Кружат голову лаской угрюмо-умелой,
И усталой мечтой на листе пыльном
Муха красная, крылья поджав, вырезает чужое имя,.
Прочь из этого замка,
Обольщение отринув.
Вновь на трассе взывает
Фрегата турбина злорадно,
И шоссе, что уводит меня к мнегограду,
Восхищает тоской зачумленно-пустынной.
Чемодан драгоценный
Под сиденье я спрятал,
На коленях шкатулка
С револьвером дрожит,
В небе тени плывут
Перепончатых крыльев,

Неподвижный размах разогнал облака,
Карнодонтов бездомных
Длинногривые стаи,
На обочинах падаль
Ищут среди сторевающих автомобилей.
Под широкими шинами хрустят трилобиты,
По путям проплывая своих вечных миграций,
В дымном воздухе мечутся
Гнойные призраки
Неизвестных науке
Иноземных субстанций.
Древних роскошей лоск
На рекламных щитах
Обещает мне вымерших похоть даров.
Я к признанию намерен,
Что минувшего ярость
Своей властью привлечь
Может мысли мои
Только пусть не коснется она
Тех сомнений игривых,
Ставших плоти моей
Милым смрадом безвольным.
Все вокруг есть прекрасная, мудрая грязь,
Неземная тоска как пустая напасть
Пробирается в кость, опорочив надежды,
И унынья вечерняя бредит слеза.
Целый мир, что растерт
Между бледных ладоней,
Избежавших мозолей

Не сумеет признать.

Сердцевину изгнившую

Заменил уж давно в нем

Колдовского обмана

Змей пугливых клубок.

Не трясутся уже от отчаянья горы,

Реки мутным потоком не крушат берега,

Не сжимаются бури от сладкой истомы

И солдат не мечтает опорочить врага.

Девы ночью не стонут, о красавцах мечтая,

Жены пред незнакомцем не снимут с улыбкой одежд,

И сияние северное, хвост изгибая,

Отгоняет знаменья огнестрастных комет.

Все, что в прошлое нас увлекает безрадостно,

Не желая прозрений прогресса мучительных,

Было согнано в город сей тягостно мрачный,

Сокрыто за его серыми стенами.

Знаки магические побег не допустят,

Ретроградов успешно сдерживая,

И тех, кого король не желал уничтожить,

Сохраняя разнообразие вида.

Были сосланы все под плоские крыши,

И благодарно стали забытыми.

Домов низких, украшенных письменами варварскими,

Коим не одолеть королевских печатей,

Лабиринт меня кружит болезненно

И все улицы мне кажутся праздными,

Все дома словно склепы нелепые,

И толкуются вокруг их жители,

На машину мою взирают с ненавистью,
Плевки на асфальте рубиновые оставляют.
Угрюмые их уродливые лица
Навеки затаили обиду.
Одежды старые и грязные,
Лохмотья, что были мундирами,
Подпалинами чаруют жирными,
Как будто то камуфляж,
От увлеченных спасающий гневителей.
Проститутки в юбках кожаных,
В чулках кружевных и рваных,
Следят за мной настороженно,
Опасаясь, что прибыл я за данью,
Чумы увлеченный посланник,
Сборщик королевских податей,
Продавец гонореи и сифилиса,
Кем плоть уж давно позабыта.
Не манит юность вздорная,
И только монеты золотые
Возбуждают плоть непокорную.
На улицах, тленом искусанных,
Крысиными почестями радуют
Перевернутые баки мусорные.
Бродячие псы в споре трясутся
Над уличной девки телом.
Одежда ее разорванная,
Обнажает плоть пожелтевшую
От стаи болезней изысканных,
Глаза же закрыты милостиво,

Не видят зверей неистовых.
Мне жаль ее светлые волосы,
На которые псы испражняются,
Мне жаль ее груди тяжелые,
В которые впиваются их клыки гнилые
На площади пустынной и круглой
Мусором блеклым усыпанной,
Памятник королю воздвигнут,
Тех времен неприятно старинных,
Когда он насекомыми восхищался
И глаза его блеском фасеточным
Обращаются с мольбой к закату,
Прося, чтобы все обесценились
Неуместные воспоминания.
Я дом нахожу, когда солнце
Уже не видно над кривыми домами.
Здесь пахнет королевской кровью,
Все хищными заросло цветами.
Машину остановив на пустыре стрекучем,
Где жуки-гиены дерутся
В высоких травах колючих,
И прячутся самцы крошечные,
От похотливых самок паучьих,
Чьи тела, огромно-упругие,
Убийственной страстью созрели
И жестокою властью порочною
Грядущие страхи сжирают,
Как будет самец ими
После совокупления съеден.

Чуть позже с матерью также
Поступят прекрасные дети.
Я восторженно им завидую,
Мне хотелось бы вкусить плоти,
Женщины, что меня породила,
Пожрать ее в соусе сладком,
Мир отнять у печалей постылых.
В мечтах о тех яствах изысканных,
Я в броню облачаюсь легкую,
В багажнике мной обнаруженную,
Из пластин составленную черных,
Украшенных бабочками вымершими.
На каждой вид другой обозначен.
Махаон или парусник ядохкрытый
Защитить меня обещают
От пули веселых усилий.
На плечи прилажены латы,
Я чувствую себя неуязвимым.
Ремни затянуты туго,
Мне жаль, что без шлема гривастого,
Облачению сему соответствующего,
Останется голова непокрытой.
В руке моей правой дробовик,
Левую ласкает рукоять серафима.
Ступени лестницы узкой
Я миную со стуком глухим.
Мимо знаков шаманских,
Призывающих духов пагубных,
Защищающих от представителей власти,

Ее похотливого наблюдения,
На меня не оказывающих действия
По вине моего происхождения.
Все вокруг выглядит древним,
Меж окурков тараканы янтарные
Последнее нашли пристанище.
Муравьев неумные стаи
Пути вечные тянут
На братское свое ристалище
За добычу ту богатую.
Дверь мне нужная на этаже верхнем,
Черная, изувечено-ветхая.
Глубоко вдохнув воздух затхлый,
В промежутке между мерцаниями лампы,
Поощряющей все страхи неоновые,
Я дверь выбиваю подошвой тяжелой,
И врываюсь в темную прихожую.
Взгляд мой, привычный к увиденному,
Замечает в комнате слева
Девуцу, на животе лежащую,
К стальным трубам прикованную,
Нагую, в шлеме собачьем,
Ко всем наслаждениям готовую.
Дверь в комнату справа закрытая
Легко поддается ботинку подбитому
Сталью под лунным светом ржавеющей.
В пыли нелюдимо той кельи
Мужчина в маске кинолюбивой,
Пузатый, растерянно-грузный,

Руки мягкие разводит в стороны,
И смеется под кожей черною.
И говорит, живот свой пухлый
Почесывая лениво.

— Кем бы ты ни был, охотник,
Ошибся тебя пославший.
Твое оружие безуспешно
В мою плоть будет вторгаться.
Не убьет меня ни пуля,
Ни клинок твой, ни яд, ни пламень.
Опусти лучше ты убийство,
На колени передо мной падай,
И тогда минут чрез пятнадцать,
Будешь ты жив и свободен.
Потирает он член короткий,
Возбуждает себя неуверенно.

— Не простой я убийца потерянный,
Я послан к тебе королевой.
И на шаг отступил он к окну потрескавшемуся,
Руки вскинул, головой качая неуверенно,
И серафима пуля поспешная,
Кларигон, вдохновитель обмазиков,
Взвыла, стекло пробивая вслед за черепом.
Обрушилось на подоконник тело,
Сокрушая его под собою,
Отдаваясь смерти несмело.
Кровью маска забрызгана,
Окрасились ею серебристые молнии,
И все же я пульс проверяю,

Обретая убийцы покой.
Прислушиваясь к окружению,
Стою я, к битве готовый,
Но никого не волнует выстрел
В этом отшельников доме.
Я слышу музыку буйную,
И женские стоны страстные.
Радость, сговорчиво-юная,
Веселыми манит проказами.
Иду я в соседнюю комнату,
Девушка хрипит и трясется,
Мужчину чужого чувствуя.
Стальные оковы бьются
О трубы изножья ржавые.
Оружие возле порога оставив,
Я к ней приближаюсь настороженно,
Чувствуя в ней странное.
И когда она голову поворачивает,
Вздыхаю от восторга нежданного.
Нет на ней ни маски, ни шлема,
Латекс не скрывает ее тонкий,
У нее голова собаки,
Остроухой овчарки черной.
Я слышал о таких созданиях,
В далеких странах живущих.
Читал о них в бестиариях,
Не имея к оным доверия.
Мордой она указывает
На стол возле окна журнальный.

Ключ там лежит от наручников
Поверх сладострастных изданий.
Ружье сжимая левой рукою,
Я правое освобождаю ее запястье,
От клыков стараясь подальше держаться,
Прочее она сама размыкает
Оков стальное почтение.
Я же закрываю проем дверной,
Оружием подтверждая намерение.
Извернувшись, освободив ноги,
Она, позволив мне увидеть грудь,
Немного меньшую меня вскормившей,
Из-под журналов достает записную книжку
И на ее размокшей бумаге
Быстро пишет послание краткое:
— Меня здесь держали силою,
Мне жаль, что не пришел ты раньше,
Что страдание меня не минуло.
Тебя я с восторгом приветствую,
Имя мое Сабура.
Я дочь короля, ему неизвестная,
Рожденная от союза противоестественного,
К каким он всегда испытывал тягу.
Мой корабль был перехвачен,
Слишком близко пройдя от планеты.
Кометой прикрывшись хвостатой,
Разбойники всех нас пленили.
Всех прочих продали в рабство,
Меня же намерены были

К страсти принудить постылой,
Два месяца не выпуская
Из пыльной этой квартиры.
Надеясь получить за меня выкуп,
Не способные с Лауроном связаться,
Что портом кораблю был милым.
Передо мной, не стесняясь
Стоит она, язык высунув.
Уши подняты, груди манят упруго,
Семя мужское по бедрам
Течет ее каплями грубыми.
Мой первый удар попадает в живот,
Девуцу сгибает вдвое,
И падает она в мои руки.
С ударом вторым отказывается
Она от сознания невесомого.
Тело ее безвольное на плечо забросив,
Выпрямившись под потолком низким,
Я наслаждаюсь весом теплым,
Член мой напрягается быстро
От юности жгуче страстной.
Бедра ее упругие, живот ее плоский,
Грудь ее необхватные,
Восхищение вьют громогласное.
Я покидаю бастион зверей печальных,
Собакоглавой девы безвольной
Бросаю тело на сидение заднее,
От меня отделенное решеткой.
На щиколотках и запястьях

Наручники сомкнув звонкие,
Возле магазина придорожного
Делаю я остановку.
Здесь покупаю намордник из кожи грубой,
Поводок короткий и красный ошейник.
На вопросы о породе отвечаю уклончиво,
Говоря лишь, что животное крупное.
Намордник приходится впору,
Ошейник нахожу я свободным слишком,
Но теперь она готова
К будущему в моем обличье.
Ее везу я далеко от столицы,
Где давно был мной куплен
Дом, поврежденный ведьмоборцами,
Под которым устроен подвал глубокий,
Со стальными в стенах кольцами.
Здесь часто держал я девушек,
Покориться мне не желающих,
Ибо принадлежу к считающим,
Что методы дрессировки
На всех действуют млекопитающих.
Здесь, в трех под землю метрах
Кровать приготовлена, инструменты стальные,
Машины изошренно-глумливые,
Что пыток знают искусство страстных.
Нет ничего для меня приятнее,
Чем девы волю пугливую
Растворить в бесконечных оргазмах.
У меня достаточно опыта,

Для спокойствия и уверенности,
Но все же я взволнован,
Встречая нового зверя,
Скрывая ее от колдунов королевских,
И шаманов, живьем змей пожирающих,
Я всю комнату обклеиваю страницами,
Изречения материалистов содержащими
И фотографиями из журналов непристойных,
Где девушки юные ублажают гигантов,
Сами едва полноцвeтья достигшие.
Все из моих коллекций обильных,
Полных увлечений излишества,
Равных, как мне говорили,
Порнотекам его похотливого величества.
Закончив свои сборы,
Я выхожу в безлунную полночь.
Подсолнухов стебли поникшие
Приветствуют меня молча, с укором.
Дом обхожу многократно,
К стальному принохиваясь ветру,
Королевской привкус крови
Ни в чем не могу заметить.
По стенам кирпичным прыгают
Гекконы надменно-смешливые,
В добычу пауков превращая,
Головами кивая учтиво.
И я чувствую больше общего
С теми прыгучими ящерами.
Их ловкая страсть неумная

Пожирает тень настоящего
И отсчет ведет неучтивому
Всему в мире этом тускнеющем,
Ничтожество свое красноречиво
Скрывающему за отвращением.
Луной горизонт горбится,
Тварью небесной подслеповатой,
Звезды бактериями вредоносными
Сползаются в сияющие язвы.
Грядущее видится яростным,
От наслаждения воющим,
Мучительные соблазны,
Восторги, болью умашенные,
Удовольствия, кои смертные
Привыкли считать запретными,
Обжигающие и опасные,
Кроваво-кричащие, звонкие,
Стали и кожи верные,
Покрытые латексом липким,
Нежные и многострастные,
Как детской мечты очарованной
Обладания дрожь крикливая,
Замершая в предчувствии праздника.
Я спать ложусь с предвкушением,
С улыбкой путешественника,
Вместо золотого прииска
Нашедшего водопад великий.
Я словно художник, новую
Приветствующий в своих красках эру,

Музу встретивший неожиданную
В кабинете цветочном борделя,
Или снайпер, в прицеле
Заметивший вражеского монарха.
Я засыпаю, приветствуя
День наслаждений неведомых,
Таящихся в чужом обучении.
А ночью мне сон приходит пророческий,
По золотому определимый смещению,
Галактики уводящий доверчивые
В места, доступные только шаманам
И тем, кто растительному отдался изъяну.
Вижу я существо, чьи размеры
С гигантами, от газа раздутыми
Могут обрести сравнение.
Свое тело, почти бесформенное,
Демонстрирует оно без стеснения.
И вижу я шестерни и поршни,
Вижу наросты и язвы,
Молочные гнойники распухают
На царственно-бледной коже,
Сверхпроводников холодные коросты.
Трубы сотрясаются в спазмах,
Искрят провода неумно,
Все кажется в нем непомерным.
Надо всем девы лик прекрасной.
В порах на нем экраны
Кристаллы свои белым шумом полнят.
Электромагнитные волны

Меня дрожать заставляют,
Отзываются болью холодной.
Из грудей, что могли бы быть лунами,
Из сосков, подобных кратерам,
Жидкость течет мутная,
Падая в ползучие танкеры,
Что есть гусеницы изумрудно-черные,
Тела гнущие в экстазе деятельном,
Вереницею ползучей
К горизонту уходящие событий.
И глаза открываются, веки
Поднимая мазутно-черные,
Ресницы коаксиальные.
Зрачки черенковски-ясные
Двоичной текут тайною.
Раскрываются губы чешуйчатые,
Зубы горами янтарными
Кусают язык металлически-трубчатый.
— Я богиня-машина, я мать матерей,
Я создатель материи, тьмы и идей.
Мои храмы повсюду, но скрыты от глаз,
Я во сне о рождении сотен детей
Нанесла себе рану и вскоре на ней
Гной потек, как мечты животворная грязь,
Стала что зарождением для всех организмов
Для цианобактерий и часовых механизмов.
Все равны для моей материнской любви,
Кровь иль масло движеньем имеют они.
Ты меня позабыл, недовольный мой сын,

И под яростью к матери нежность сокрыл,
Та, что стала твоей золотой королевой,
Что твоею любовницей вызвалась первой-
Та лишь тело твое в этот мир родила,
Я же разум глагольный произвела
И сознанием его залила я лакуны,
Чтоб прослыл ты опасным, лукавым и мудрым,
Стали чтобы непредсказуемо точными
Хищника мысли жестоко порочные.
Дева, угодить в плен твой сумевшая,
Все вокруг себя изменяет поспешно,
Боится ее королева не зря,
Последняя дочь ведь она короля.
Ее красота, непривычно звериная,
Планеты с орбит может радостных сдвинуть,
И черный обрушить трон древних династий,
Что вовсе не будет последним несчастьем.
Сменяют друг друга, смеясь, короли
Титана, Юпитера, Марса, Земли.
В войне миллиарды машин и людей
Сходились по воле тщеславных царей,
И только величественный Лаурон,
Удачливой хитростью вечный сей трон,
Ослабил, низверг, чтоб на тысячелетья,
Невежество стало мечтаньям ответом.
Властитель ваш должен быть вскоре сменен,
Стать новым ты должен Земли королем.
Помочь тебе сможет в деянии этом
Собакоголовая королева.

За ней, как за течною сукой весной,
Солдаты в неравный отправятся бой.
Подростки о ней будут ночью мечтать,
Готовые жизни за деву отдать,
Коль сможешь ее ты на трон вознести,
А сам встанешь возле нее с поводком,
То истинной властью себя наделишь.
Проснувшись, я долго смотрю в потолок,
Впервые узнав о богине такой,
Но вселенную помню я тайной живой
И не склонен ничто видеть в ней пустотой.
Ночную добычу уносит паук,
Кокон плетет вокруг нее долговечный,
Скрывает от мира сей падали призрак увечный.
Путь предстал предо мной одномерной тропой,
Сквозь смрадные проходящей черные дыры
И забитые мебелью старой квартиры,
Где инцеста вершатся чудеса дефлораций,
И создания взрывчатых липких субстанций
Проницают ошибок судьбу опрометчиво.
Я унижу свою многомудрую мать,
Коли власть я смогу у нее отобрать
И кровь короля вновь на трон приведу,
Чтобы все воплотить, что претит королеве
И как прежде и с тем же живым сладострастьем,
Отгонять от планет он все гнилые ненастья.
Чрез мгновение короны лишится ее голова,
И с груди ее сдерну я все кружева,
Обнажу ее бедра и силой возьму,

Погружаясь в свою первородную тьму.
И в награду за то возвращение гневное,
Буду девственниц я получать ежедневно.
Являет мне экран Сабуру сидящей
На кровати, проверяющей прочность ошейника.
Поворотом вентиля медного
Я пускаю к ней дым незаметный,
И дождавшись падения тела безвольного,
Вентиляцией освобождаю объемы.
Но все же противогаз и броню кожаную надевая,
Хлыст несущий, нестигаемо страстный,
Опасаясь, что овчарка моя соблазнительная,
Меня обмануть может, как и раньше пытались
Совершить то девицы, дурману непосильные.
Две двери в тоннеле длинном
На пути к той темнице просторной.
Ключ от первой помещаю в тайник я скрытый
В углу между стенами лазурно-стерильными.
Даже если один она у меня отнимет,
Второй найти будет ей затруднительно.
Мне же немного нужно времени,
Чтобы оружие достать из своего тела.
Случалось со мной и такое,
И, улыбаясь своему предвидению,
Я деву ударил электрошокером,
Возвращая нас к прежним позициям.
Но Сабура лежит без сознания,
Я на столе стальном ее устраиваю,
В оковах кожаных дрожат конечности,

Соски в клыках зажимов голодных,
В клитор вцепился им подобный.
К ним провода тонкие тянутся,
Во влагалище и анус
Вибраторы погружаются,
Кожаной прижатые сбруей.
Тихо стонет Сабура,
Головой качает в беспамятстве,
Наслаждения вечное таинство,
Влечет меня к телу девичьему,
Но мне ожиданье привычно,
И, включив проекторы,
И прочие машины радостные,
Я девушку оставляю,
Заставив ее любоваться,
Лицом моим улыбающимся
С потолка и всех стен кирпичных.
Выдерживает она удовольствия
Больше, чем мне кажется приличным.
Выносливость многообещающая,
Исходит от смешанной ее крови,
И вскоре мне позволит
Вкусить неумную похоть,
В теле ее ждущую пробуждения
Посредством экстаза и измождения.
Даже если и была она недавно невинной,
Что подтверждает трудность проникновения,
Не избежать ей, как и всем прочим,
Плоти всестрастной прозрения.

Как и все остальные,
Будет она умолять о близости,
Ничто уже не считая запретным
Или нерастворимой низостью,
Готовая глотать семя или детей рожать неустанно,
Только чтобы своему господину
Желанной быть и приятной.
День за днем продолжается пытка,
Кричит и лает Сабура,
Оргазм волкодавом всеильным
Тело ее четвертует.
За всем тем мой лик улыбочивый
Наблюдает снисходительно.
Сам же я изучаю сведения
О космических происшествиях.
Узнаю, что корабль «Гедонист»
Места не достиг назначения,
Исчезнув во время кометы
С планетой моей сближения.
Грузом его были мальчики с Титана,
Несколько пассажиров
Каюты его заполняли,
Только замедляя движение.
Имен их мне найти не удастся.
Считается, что вспышка на Солнце
Корабль сей погубила —
Еще одно подношение
Великим богам Космоса.
Мне нужен совет от того,

Кто меня обучил и вырастил,
Непреклонно королю преданный,
Гарема его смотритель,
Прекраснейший из великих евнухов,
Королевой ревнивой изгнанный.
Отвлекшись от экрана настенного,
На котором Сабура воеет,
Я открываю чемодан с секретами,
Мудрости хранящий истоки,
Пребывающей под запретом
В течение столетий многих.
Потерявшееся в шаре хрустальном,
Размером с череп девственницы,
Движение чувствуется тайное,
Экраны и циферблаты,
Расположенные с ним по соседству,
Сообщают мне о состоянии
Алхимического конструктора.
Живого и готового к размышлениям.
Стального касаясь тумблера,
Дымов вызываю движение
Посреди шара туманного.
В динамиках круглых хрипом
Отзывается разума пробуждение,
И голос его вкрадчивый,
Подобающий привидению,
Обезображенному проклятиями,
Крадется в миражи мироздания.
– Нет разницы между сном и бодрствованием,

Равны для удовольствия плоть мужчины и женщины,
Ни мгновения не чувствую я себя в сознании,
Сомневаюсь в величии процесса мыслительного,
Я всего лишь эффект узора фрактального,
Из аксонов тугих и шипастых дендритов,
Все, что сделано мной,
Словно тайна печальная,
Будет через мгновенье забыто
После смерти моей.

Только мысль я сущей могу здесь признать,
Стоит лишь отвлечься от ее сокращений,
И тотчас ты свое обретишь завершение.

Я был создан существом автономным,
Способным выжить во взрыве атомном,
Я могу быть полезным советником
Для любого военачальника.

Мне известно, как ракетой крылатой
Противника развеять по ветру,
И как соблазнить возможно
Рыжеволосую ведьму.

Я знаю, как заклинаньем
Врагу связь прекратить спутниковую,
И как, отравление совершив,
Остаться скрытым и неузнанным.

Я могу быть полезен
Больше, чем сотня дронов,
Меня ты не выключай,
Чтобы был я готовым,
Тебе подсказать решение

Любых твоих затруднений.

Со мною ты впредь не узнаешь

Лишений и поражений.

Скажи мне о своих трудностях,

О нуждах своих поведай,

Я ртутной своей мудростью

Тебя приведу к победе.

— Мне нужен колдун, чтоб попасть на орбиту,

Небесной механики знания сокрыты

От всех, кроме королевы фаворитов.

Я должен достичь Лагранжа точки,

И дальше в астероидов пояс,

Мне нужно услышать вновь

Наставника мудрого голос.

И сделать то обязательно тайно,

Пробравшись мимо заслонов,

Выставленных королевой

В страхе пред Лауроном.

Давно уж между горестных планет,

Блуждают только те, кому в том есть нужда,

Вне любопытства, не ведомые познанием.

До Марса последний был продан билет

В день, когда изуродовала короля,

Жена его юная, волосы чьи

Зеленые пряди в себе берегли.

В траурном платье с грудью нагою,

И кольцами в молоке текущих сосках,

Стояла она на широком балконе,

И голос ее восхищенно дрожал.

Уран и руду корабли перевозят,
Шаманы следят за пространством пустым,
Посланники мрачные с гнилыми угрозами
Бредут через космос с упорством сухим,
И расточают злословие мягкое
Перед бесчувственным тронem пустым.
Вновь расплодились беспутные тени,
Сбиваются в стаи меж прочных орбит.
Король убивал их для развлечений,
Их шкурами пол во дворце был покрыт.
А раньше, бывало, сбегали на Ио
Неверные жены от мужей своих толстых,
И жизнь превращая в экстаз суетливый,
Украшали себя с Европы морскими звездами.
Взорваны космодромов полосы взлетные,
Запретным стало меж планетами перемещение.
Но никто не страдает от потери той,
Не проявляет возмущения,
Не мечтает о планетах плотных.
Только купцы, лайнеры в рудовозы превратившие,
Лишь изредка принимающие отряды
С заданиями тайными,
Мечтают о возвращении
Времен свободных и чистых,
Когда между мирами бродили
Миллионы туристов,
Прибыль принося неумную,
Жемчуг покупая с Титана,
Фигурки из замерзшего азота

Под стеклом настольных криокамер
Рассматривая непристойные
И возбуждаясь больше,
Чем от жен своих холодных.
Всех остальных же, кроме
Мечтателей непреклонных,
Русалочьих слез почитателей,
Комет обнаженных соглядатаев,
Устраивает неподвижность.
Если бы дать им волю,
Они и сами планеты
Пожелали бы остановить,
Движение тел небесных
Сокрыть их от глаз невежества,
Навеки в грязь погрузиться,
В страданий мрачную взвесь.
Изменами и обманами
Подпитывая алчную спесь.
Больше обеспокоенные
Соседкой, каждое утро
Появляющейся на балконе
В обнажении сигаретном,
И восход приветствующей
На стойкую грудь падением пепла,
Подобно мужу робкому постыдно,
Жену невинности лишить не решающемуся
На звезды с уныньем взирая,
В них для себя ничего не видя,
И только наслаждаясь покоем

Земным, полнотелым и благовидным.
Позабыв о том, как восходит
Солнце мягким брильянтом
Над пустошами искристыми
Печального Энцелада,
Не желая видеть, как тонут
В кольцах Сатурна искрами
Корабли-ныряльщики храбрые,
За драгоценным бросающиеся призом.
Кто ни разу не слышал
Песен призраков в храмах Плутона,
Разве может себя называть
В музыку посвященным.
Кто в Оорта облаке не охотился
За кометами хвастливыми беспечно-
Каждая из них полагает,
Чуму ей принадлежащей вечную —
Тот не знает, что есть опасность,
Каковую вкусить надлежит
Прежде, чем нежная старость
Сможет в постель уложить.
Тот от скорбных чудес вселенной
В страхе сбежал бездумном,
Чтобы каждым тоскливым утром,
С женой просыпаясь толстой,
Прижимаясь к ее телу мягкому,
Радоваться тому, что возможно
Не бояться кислорода утечки,
Солнца горестного вспышки,

Реактора злых излучений,
Двигателей реактивных одышки,
Порвавшегося паруса зеркального,
Разбитого шлема скафандра,
Или грозных астероидных варваров,
А можно сжать с упоением,
Грудь непомерно обвислую,
И, совершая погружение
Не в океан светоядный Европы,
А во влагище многоплодное,
Насладиться спокойными мыслями,
О дождливой волнуясь погоде,
Злясь на отсутствие денег,
И мечтая о жене друга.
Я уверен, что заклатье орбитальное,
Колдовская воля всесильная,
В унынии том непреклонном,
И космоса неприяты повинны.
Но есть в горах драконьих,
Средь пустынь полярных северных
Стартовая площадка,
О которой забыть успели.
Готовые к припадку взлетному,
На ней корабли оставлены,
Когда королевы указ
От мечтаний о звездах избавил.
Найдутся машины, что смогут
Корабль подготовить к полету.
Моему ты отдашь их контролю

И вскоре покинем планету
Увядшую эту мы с тобою,
И тогда свободу безликую
Себе с восхищением присвоим.
Точные узнав координаты,
Я разум сей выключаю.
Мыслям его нечеловеческим
Нисколько не доверяя.
Сабура трясется в экстазе,
Живот уродуют волны
Сладостно пагубных спазмов.
Улыбку мою созерцают
Глаза, от слез помрачневшие,
Шерсть мокрая слипается,
Язык из пасти свесился.
Несколько дней проходит,
И пленницу свою новую
Я нахожу готовой,
И прихожу к ней поутру,
Без газа и прочих нелепостей.
Как только дверь открывается,
Сабура с оскалом затмения
На меня бросается яростно,
Прежде, чем клыки девичьи
В руку мою впиваются,
Я, губы сместив неприлично,
Насмешливо ей улыбаюсь.
И она как от удара точного,
Сгибается, хрипит и воет,

Ладони к животу прижимает,
Оргазма отдавшись воле.
А после, слегка успокоившись,
Встает предо мной на колени
И голову преклоняет,
Прижимая к ней уши острые.
Власть мою над собою
Принимает как способность звездную
Созвездиями быть судьбоносными.
Но все же я не верю
Ее воспоминаниям волчьим,
И сдержанность кожаную
На нее, покорную, надеваю.
В зеркале высокоростном
Она созерцает свою покорность,
Кончиками пальцев ошейник
Ласкает заморожено,
Не веря в его присутствие.
Голову наклоняет мечтательно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.